ФРИДРИХ
НЕЗНАНСКИЙ
Провинциальный детектив
ВОЗВРАЩЕНИЕ ТУРЕЦКОГО

Фридрих Евсеевич Незнанский

Провинциальный детектив

Серия «Возвращение Турецкого»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5957345
Провинциальный детектив: Роман / Фридрих Незнанский: Олимп: Астрель; Москва; 2009
ISBN 978-5-7390-2447-3

Аннотация

В маленьком провинциальном городке происходит двойное убийство. Жертвы – девочки-подростки. Обстоятельства преступления заставляют думать, что это ритуальное жертвоприношение секты сатанистов. К делу подключается Александр Турецкий, который приехал в городок по частному заказу для расследования убийства крупного местного бизнесмена. На первый взгляд оба преступления никак не связаны между собой, их объединяет лишь атмосфера зловещего безумия, витающая в воздухе.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	26
Глава 4	38
Глава 5	43
Глава 6	48
Глава 7	53
Глава 8	58
Глава 9	63
Глава 10	71
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Фридрих Незнанский
Провинциальный детектив

© ООО «Агентство «КРПА Олимп», 2009
© Оформление. ООО «Издательство Астрель», 2009

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

В основе книги – подлинные материалы как из собственной практики автора, бывшего российского следователя и адвоката, так и из практики других российских юристов. Однако совпадения имен и названий с именами и названиями реально существующих лиц и мест могут быть только случайными.

Глава 1

Тусовка удалась. Ничего не скажешь. Бутылки «Медока» никто и не считал. Пострадали два пузыря с портвейном десятилетней выдержки. Вика добралась до «Вдовы Клико». Хорошо еще, что до папашиного виски ничьи шаловливые ручонки не дотянулись. Весело, значит, но без эксцессов. Траву здесь не курят, у меня такие правила. Кому не нравится, не приходите. Вот так. Но хотят прийти все. Не всех, правда, зовем. Лохам вход воспрещен. Это тоже часть моих правил.

В доме уже почти никого. Расходиться начали потихоньку еще час назад. Уносить никого не пришлось – и на том спасибо. Впрочем, все знают, что размазней здесь не любят. Если у кого голова слабая – пусть дома сидит, мультики смотрит. Эта тусовка не для них. Дурацкое слово «тусовка». Хотя, как это еще назвать? Вечеринка для друзей? Но здесь практически нет друзей. Пожалуй, только Дэн. Все остальные… Как бы это определить? Есть ведь подходящее слово! Да, точно – свита. Именно так. Тогда кто я? Ладно, так можно черт знает до чего договориться. «Дуровоз» скоро вызывать надо будет. С другой стороны, как может человек быть виноватым в своем очевидном превосходстве? Тем более, что все это признают. Без лишних разговоров.

Да, все разошлись уже. Ниночка во флигеле. Родители

вернутся не раньше завтрашнего утра. Пусто. Пусто, да не совсем – в холле, прислонившись к стене, сидит Вика. На полу. Этому столику «Вдову Клико» больше не наливать. А на коленях у нее – голова Киры. Вика подозрительно нежно гладит ее по волосам, периодически наклоняется, чтобы что-то сказать. Кира почти не двигается. Можно только предполагать, что имеет место диалог. Впрочем, движения губ с этого ракурса не видно. Весело. Совсем надрались, дуры.

Что за нелепая манера у девиц нежничать друг с другом по поводу и без повода! Сигарету стрельнуть нельзя без сюсюканья и накручивания чужих волос на палец. Если бы парни так между собой общались, диагноз был бы ясный и четкий. А тут сплошная муть. Они что, так тренируются? Но Вика как раз другая. На нее это не похоже. Может, у них случилось что-нибудь? Наверное, Кира сейчас поверяет ей по пьяни какую-нибудь страшную тайну. Ну, прямо очень страшную! Про несчастную любовь, точно, какие еще могут быть варианты? Хотя с Кирой как раз могло произойти и что-нибудь более замысловатое. Троечница. Книжки читает. В голове держит табун больших черных тараканов.

Мальчик вышел на крыльцо. Ночь была темная и теплая. Он достал сигарету. Ему пятнадцать лет. И он начал курить два года назад.

– Ладно, ты хорошо сделала, что хоть мне об этом расска-

зала. Такое в себе держать нельзя, – голос у девочки, сидящей у стены, был низкий, хрипловатый.

Вторая ответила едва слышно:

– Ты понимаешь, что никому… Никому. Не потому, что это может ему как-то навредить. Мне, в общем, плевать. Просто я не хочу, чтобы кто-то еще знал, что…

– Да ясно. Кому ж такое приятно. Ты, главное, матери не проболтайся. С нее и так хватит.

– Что ты хочешь сказать? Ты что-то еще знаешь?

– Да забей, кто ж здесь чего-то не знает?! Все, всё и про всех. Ну, там родители между собой говорили, не знаю даже. Я уверена, и про моих какие-нибудь сплетни ходят. Не бери в голову. Но матери все равно не говори ни в коем случае.

– Так о чем речь? Если бы я могла ей сказать, стала бы я тут перед тобой…

– Все, закрыли тему. Успокоились. – Будто стараясь смягчить жесткость тона, Вика еще раз провела рукой по волосам подруги. – Давай ты здесь сегодня останешься! Как ты сейчас домой поедешь? Все уже ушли. Можем, конечно, такси вызвать, но лучше ты здесь оставайся. Спальных мест много.

– А что Илья скажет?

– Да ему все равно. Пошли. Ты как, сама подняться сможешь?

У Киры кружилась голова, но встала она довольно бодро, внезапно почувствовав себя лучше, легче, ощутив огромное желание убраться подальше из этого огромного, наполовину

стеклянного дома.

– Знаешь, я все-таки к себе поеду. Я маме не говорила, что ночевать останусь.

– Так пошли эсэмэску. – Последние слова звучали уже вдогонку. Кира накинула куртку и пошла к дверям. Не глядя, прошла мимо Ильи, стоявшего на крыльце с сигаретой.

– Эй, ты чего, уходить надумала? Как ты домой добираться будешь?

Кира оглянулась и, прищурившись, посмотрела на лицо, освещенное единственным включенным фонарем. Он нравился бы ей, этот мальчик. Нравился, если бы она набралась смелости. А так, зачем давать себе позволение, если все и так ясно. Без шансов.

– Не волнуйся. Что-нибудь поймаю.

Удерживать он ее не стал.

Вика в гостиной сводила счеты с «Вдовой». В общем, она была не такая уж пьяная. Сейчас даже взбодрилась немного. Что такого «антипохмельного» могла ей рассказать эта психованная с последней парты?

– Ты ее не остановил?

– Да, нет. Она вроде нормальная. В порядке. Не волнуйся ты, нормально доедет. Действительно, поймает кого-нибудь. Сколько раз так делали – ни у кого никаких проблем. А что ты так оживилась? Она тебе про несчастную любовь рассказала? Ты боишься, что она в ближайшей луже утопится?

– Да.

– Не понял? – Мальчик смеялся.

– Чего ты не понял? Не в себе она, разнервничалась. Я волнуюсь, как домой доедет. На улице темно…

– Ага. Ходят маньяки и охотятся за школьницами. Так?

– Ну, приблизительно.

– Слушай, не надо мне втирать. Ты так «часто» за кого-нибудь волнуешься, что мне кажется, будто она рассказала тебе что-то действительно интересное. Колись давай! Поделись улыбкою своей!..

– Отстань. Это секрет.

– Это что тут еще за секреты? От меня?

– Да. От тебя. Представь себе. И вообще, меня бесит эта мания контроля. Контролируй тех, кто перед тобой выслуживается. А от меня отстань! Моя подруга – наши секреты!

Он подошел к ней близко-близко. Ничего не сказал. Просто посмотрел и обезоруживающе улыбнулся.

– Ладно. Не смотри на меня так. Ничего интригующего. Так, очередная сплетня про ее злосчастного папашу.

– Всего лишь!.. – Мальчик засмеялся еще раз.

Глава 2

Поезд на Рыбинск отправляется в четыре. Можно, конечно, вызвать такси и, постояв в московских пробках, лишний час «покрутить» в голове то немногое, что удалось вытащить из клиента. Точнее, клиентки. Турецкий выбрал метро.

Странная женщина. За бешеные деньги нанимает частного сыщика, чтобы расследовать убийство собственного мужа, и при этом информацию из нее нужно буквально клещами вытягивать. Ладно, спишем это на стресс, неадекватное состояние – все-таки ей досталось. Хотя на убитую горем вдову она не похожа.

Народу в метро на удивление мало. Человек десять в вагоне, можно сесть, сохранив личное пространство, да и чемодан, хоть и немаленький, «пристроить» легко. В этот раз Турецкий собрался основательно – было стойкое ощущение, что командировка предстоит долгая. Парой дней тут не обойдешься. Слишком мало вводных.

Хотел немного отвлечься, но даже посмотреть не на кого. Угрюмый гастарбайтер дремлет напротив, тетка без возраста кроссворд разгадывает… Бритоголовый парень читает книгу, обложка скрыта папиросной бумагой. Остается надеяться, что это не «Майн Кампф».

Зачем он вообще на это согласился? То есть, понятно зачем – деньги. Она сама предложила достаточно большую

сумму. Больше, чем по прейскуранту. Спорить было бесполезно, аргументы «мне лишнего не надо» не действовали. Стало ее немного жалко, такую холеную, со столетними глазами на гладком лице, со всеми этими ее деньгами, убитым мужем и напускной жесткостью. На самом деле ключ был в одной-единственной фразе: «Я хочу знать, кто убил моего мужа, и главное, за что». Не «почему», а именно «за что». Это зацепило. Там все не так просто, может даже оказаться интересно. Говорим «почему» – подразумеваем «мотив». Происки врагов, передел собственности, грязная и жестокая война, к которой все уже в той или иной мере привыкли. Говорим «за что» – подразумеваем «причину». «За что убили моего мужа?» Было, наверное, за что. И она об этом знает. Дама очевидно не склонна канонизировать своего усопшего. За что, за что, за что?..

На «Баррикадной» вагон резко наполнился громкими голосами. Вошли мальчики – лет пятнадцать-шестнадцать. Трое. Хорошие лица – несовременные. Неиспорченные косыми челками и пирсингом. Как из старых фильмов. Раньше могли быть комсомольцы, будущие строители БАМа. Типаж такой. Но этих ждет другая судьба. О чем говорят – не разобрать. Громко, эмоционально, жестикулируют вовсю. Но слова заглушаются стуком колес.

Итак, что у нас есть? Женщина эта позвонила позавчера в агентство «Глория» и договорилась о встрече. На следующий день пришла, представилась Смородской Анной Федо-

ровной. Просидели долго, пили крепкий Алькин кофе. Точнее, Турецкий пил крепкий, она же предпочла без кофеина. Это новая мода – беречь здоровье, не изменяя старым привычкам. На самом деле, Турецкому врачи давно намекали, что с кофе пора завязывать. Но уж он если откажется от бодрящей черной «отравы», то насовсем. Никаких суррогатов и компромиссов. Однако «продвинутая» Алевтина сказала, что нынче многие клиенты предпочитают без кофеина, и с тех пор в офисе всегда была альтернативная пачка, на всякий случай. Вот и пригодилась. Все-таки от Альки есть толк. Иногда.

Наконец, «Белорусская». Направляясь к дверям, Турецкий прошел в полуметре от несостоявшихся комсомольцев. То, что он услышал, шокировало. Не мат, не подростковый «новояз» – этим уже сложно кого-то удивить. «Я тебе говорю, прочитай эту книгу, там четкий и ясный алгоритм – как совершить государственный переворот», – обращался к приятелю один из троицы. Ответ услышать не довелось – парни остались в вагоне. Электричка с грохотом проехала дальше. Серьезные подростки нынче пошли. Смешно. И страшно немного. Вообще-то, в этом возрасте одноклассниц положено обсуждать. Впрочем, кем положено?

Эскалатор медленно шел наверх. Они тогда говорили долго, но в сухом остатке оказалось мало. Мужа Смородской месяц назад застрелили в их загородном доме. Было открыто уголовное дело, но продвинулись не сильно. Не дождавшись

результатов, вдова обратилась в «Глорию». Она слышала про Турецкого от одного общего знакомого, которого тот, еще в бытность следователем, буквально спас от ложного обвинения. Но сколько таких случаев было. Всего не упомнишь. Осторожно придерживая тяжелую стеклянную дверь, Турецкий вышел на привокзальную площадь. Поезд отходил через пятнадцать минут.

– Анна Федоровна, дело еще не закрыто. Полагаю, его и не думают закрывать. Ваши доблестные рыбинские «сыскари» убийцу рано или поздно найдут. У вас есть какие-то объективные причины не доверять официальному следствию?

– Да нет, я доверяю нашей милиции, я просто не слишком в нее верю.

Она еще иронизирует. Хорошо держится.

– Александр Борисович, вы только не думайте, будто я смеюсь над вашими бывшими коллегами. Ни в коем случае. Просто мне кажется, что со стороны будет виднее. Там у нас все слишком повязаны между собой. Ничего плохого этим, кстати, сказать не хочу. Они слишком долго друг на друга смотрят – вот и все. А тут нужен взгляд свежий, не «замыленный».

Вот в таком духе и шел разговор. В общем, все более или менее ясно. Город маленький. Людей у власти или у «кормушки» – по пальцам пересчитать. Все, что можно, они уже поделили лет десять назад. Кто-то сел, кто-то лег – в смыс-

ле, на кладбище, а те, кто выжил – наслаждаются относительным спокойствием и абсолютным благополучием. Конечно, многие таят зло друг на друга – чай, не крестом все эти годы вышивали, а серьезными делами занимались. Дорогу часто друг другу перебегали, но, кто старое помянет, тому… Да, именно так и случилось с мужем Смородской. Впрочем, где гарантия, что искать нужно именно в «старье»? Это всего лишь один из вариантов. Хотя сейчас-то чего там делить? Ладно, посмотрим, куда успел впутаться перед смертью лысый пузатый мальчик в «Brioni»… Турецкий вспомнил фотографию, которую показала ему Смородская. Они там втроем где-то на море. В Италии, наверное. А может, на Лазурном Берегу. Это так, предположения, где сделано это фото, женщина не сказала. С ними девочка лет двенадцати-тринадцати. Счастливая семья. Видимо, покойный Смородский был способным человеком – он очень ловко приладил на свое лицо бойцовой собаки личину респектабельности. Вот, уже Пищалкино проехали, проводница говорит, меньше полпути осталось.

Когда она вошла, Алевтина растеклась в своей фирменной улыбке в тридцать два зуба с винирами – на мужчин это обычно действует безотказно. Аля так улыбается всем, говорит, что в этом и заключается «искусство коммуникации». Этому ее точно научили не на юрфаке. Девушка с самого начала пытается прорваться к вожделенной оперативной рабо-

те, но уж больно лихо она решает административные вопросы и слишком уж органично смотрится за столиком в приемной. К тому же на зарплате это не отражается. У себя в прокуратуре, куда она сразу после диплома попала на должность мелкого клерка, платили гораздо меньше. В своем жанре она прекрасна – в кофеварках разбирается, в компьютерах нет ей равных. При этом ни приведи Господь назвать ее секретаршей. И даже «секретарем» нельзя. В ход идет обтекаемое «сотрудник агентства», а уж чем он там занимается, этот сотрудник, уточнять не обязательно. Беззастенчиво воспользовавшись слабостью, которую питал к ней старый ловелас Турецкий, Алевтина настояла, чтобы ей сделали стильные визитки, на которых гордо красуется «Дудкина Алевтина Григорьевна. Детективное агентство «Глория». И номер телефона. Ничего лишнего. Алькины амбиции более или менее удовлетворены. Кофе с каждым разом все вкуснее. Нет, у него определенно слабость к этой барышне. Что до оперативной работы, то для этого у нас есть другие кадры.

Так вот, когда Смородская переступила порог приемной, Алька дежурно – в смысле, дежурно-лучезарно – улыбнулась. Женщины в «Глорию» периодически обращались. Как правило, это были довольно банальные заказы на слежку за неверными мужьями, за непутевыми сыновьями и дочерьми, попавшими в секту или связавшимися с так называемой «дурной компанией». Расследование «заказух» в принципе в последнее время стало редкостью. Это, наверное, хорошо.

Успокоились люди. Научились решать проблемы более или менее цивилизованно. Да-а… Алевтина, острая на язык, всегда за глаза давала клиенткам меткие характеристики или отпускала что-нибудь едкое, обсуждая ход расследования. Естественно, она меру знала, и если речь шла о чем-нибудь действительно трагичном, вела себя адекватно. Но все же, никак не могла отказать себе в удовольствии проехаться по какой-нибудь «накачавшейся ботоксом старой курице, которая зачем-то хочет убедиться, что муж ей изменяет. Ей что, собственного отражения в зеркале мало? Очень убедительно!» или «завернуть» что-нибудь вроде: «Да что она волнуется? Он никуда и ни к кому от нее не уйдет. Из жалости. На такую без слез не глянешь». И это были далеко не самые яркие примеры Алькиных «перлов».

Смородской, разумеется, тоже досталось. Едва Анна Федоровна, попрощавшись, закрыла за собой дверь, Алевтина скроила рожицу:

– Не похоже, чтобы эта дамочка сильно переживала из-за смерти супруга.

– Аля, имей совесть. Чем она тебе не нравится? Одета в черное. Хочет знать, кто его убил. Говорит тихо, – разговаривая с ней, он сам становился более ироничным. Ловил волну, наверное.

– Не так уж тихо, если я услышала…

– Ах, ты что-то услышала! Надо же. Это говорит не о громком голосе э… – Турецкий глянул на оставленную ви-

зитку, – Анны Федоровны, а о том, что у тебя, как всегда, ушки на макушке. И что же ты такое услышала?

– Да ничего особенного. Просто одна фраза напрягает: «Я хочу знать, кто убил моего мужа, и главное, за что?»

Турецкий замер. Оказывается, эта «фигура речи» не только ему показалась странной. Так-так. Уж чего-чего, а интуиции у Алевтины в избытке. Он дал ей договорить, не перебивая.

– Странно как-то. Обычно у «свеженьких» вдов даже по Фрейду не бывает оговорок относительно возможного несовершенства недавно преставившихся. Что бы мужик вчера ни вытворял, только его подстрелили, так жена сразу начинает идеал лепить. И такой он был, и эдакий. Светило науки, купивший «диссер» не задорого. А отец какой! Ничего, что никогда не интересовался, в каком классе сын учится. А муж! А товарищ! Честный, неподкупный, миллионы свои праведным трудом заработал! А эта сразу намекает – муженек был не без греха.

– Хватит. Я и так знаю, что ты язва циничная. Просто женщины, как правило, любят своих мужей такими, какие они есть. Женщины – они вообще хорошие. Одна ты, Алевтина Григорьевна, позор ходячий. Так что тебе там почудилось?

– Александр Борисович, если серьезно, без иронии, я не знаю, как это объяснить. Вроде все нормально, заказчица как заказчица. Но есть какая-то нестыковка. Я чувствую, но сформулировать не могу!

– А ты учись формулировать, Алечка. В оперативной работе пригодится.

– Не надо издеваться, давить на больную мозоль!..

– А-а, значит, тебе можно вербально терзать ближних, а другим…

– Так ведь ближние этого не слышат. И потом, не такие уж это ближние, и вообще, вы же знаете, что я не со зла, это у меня естественные процессы в организме. Как дыхание.

– Хорошо, что как дыхание, а не что-нибудь другое. Ты не обижайся. Кто тебе еще правду скажет, кто печется о твоем самосовершенствовании?! Ладно, шутки в строну. Я завтра хочу выехать в Рыбинск. Ты закажешь билет, а после постараешься разобраться и адекватно, простым русским языком сказать, что там тебе показалось подозрительным. Считай, что это оперативное задание. Это важно: я хочу сличить показания. Внутренние. Твои и мои.

Алька так ничего толком не смогла объяснить, все было «странно», «непонятно», «нехарактерно» и так далее. Может, просто ей лично не понравилась эта женщина. Ей, конечно, никакие женщины не нравились, но, может, эта особенно? В любом случае, Аля подтверждала его собственное смутное ощущение относительно этого дела. В порядке рабочего бреда: может, она его сама «заказала», а теперь подозрения отводит? На это Алевтина намекала? Нет, вряд ли. Усложнять не надо. Рабочий бред – он иногда бред и есть.

Для начала примем вариант, что все так, как она говорит. Мужа убили, в душе – пустота, ее надо заполнить. Для этого нужно поскорее узнать, кто это сделал, а рыбинские коллеги вполне могут «подтормаживать на поворотах». И, скорее всего, здесь важен не результат, а именно процесс. Сейчас она собранная, кажется, будто для нее речь идет о решении некой серьезной деловой задачи. Узнает она, кто его убил – и что, станет ей от этого легче?

Поезд со скрипом затормозил. Последняя остановка перед конечной. На ночь глядя, в голову лезут мысли, прямо скажем, мало связанные с сутью предстоящего дела. Копаться в психологии заказчика – занятие неблагодарное, а главное, чаще всего совершенно бесполезное. Приедем на место – будем выяснять, кому было выгодна смерть Смородского. Надо абстрагироваться от этого навязчивого намека на «преступление и наказание». «За что убили моего мужа?» Думается, все-таки, не «за что», а «почему». Такие радикальные способы решения проблем сейчас (и особенно сейчас) выбирают, только когда на кону большие деньги. Чего ради кто-то – потенциальный убийца или заказчик – будет рисковать своим спокойствием? Версию мести, конечно, окончательно отбрасывать не надо, будем держать ее «на периферии сознания», так сказать, про запас, но ориентироваться все же нужно на предметную, логичную мотивацию. С «шекспировскими страстями» нынче туго, народ пошел практичный. Нет, случаются, конечно, убийства из ревности

или из мести, но чаще всего это «бытовуха» в состоянии аффекта. Пришел, увидел, придушил… В первую очередь, надо разобраться, в каком состоянии бизнес. Много ли долгов, какова рентабельность. Кто компаньоны? Какие были планы…

Смородская была далека от дел мужа. Как успел выяснить Турецкий во время разговора в агентстве, такая отстраненность была позицией.

– Анна Федоровна, первая мысль – не факт, что правильная – убийство связано, выражаясь казенным языком криминальной хроники, с «профессиональной деятельностью потерпевшего». Чем больше информации вы мне предоставите о состоянии дел вашего мужа, тем легче мне будет работать.

Смородская молча теребила салфетку.

– Я понимаю, что такую информацию направо – налево раздавать опасно, но, раз уж вы ко мне обратились, вы должны мне максимально доверять. Как врачу. Это необходимо…

– Я понимаю, но, к сожалению, много не расскажу. Не потому, что не хочу, а потому, что на самом деле мне особенно нечего сказать. Я в последнее время старалась не вникать в детали. Я точно не знаю, что там у Олега происходило. Внешне все выглядело очень благополучно. Могу сказать это просто исходя из уровня жизни. Он неуклонно повышался.

Последнее прозвучало нарочито наивно или преднамеренно отчужденно, как будто речь шла о соседе, который

каждый месяц меняет машину. Как можно не интересоваться деньгами собственного мужа? Ведь это точно так же и ее деньги.

– Не поймите превратно. Олег ничего не старался от меня скрыть. Это было мое решение, моя позиция. Мне так спалось спокойнее. До последнего времени, пока его не убили. У меня своя – пусть не очень яркая и успешная – профессиональная жизнь. В сейфе всегда были наличные. Я уже в том возрасте, когда люди понимают, что все может когда-нибудь закончиться. И эти наличные в сейфе – тоже. Я смогла бы жить и по-другому. Впрочем, я не о том… Я отдам в ваше распоряжение все документы, которые Олег хранил в доме. Остальное постарайтесь выяснить в конторе.

Слово-то какое – «контора»! Не «офис», а незатейливая, старорежимная «контора». Эта женщина случайных слов не употребляет. А насчет «смогла бы жить и по-другому», так в это верится с трудом. «По-другому» – это как? Турецкий оценивающе, по-мужски взглянул на это холеное, ухоженное лицо. Тут и массажи антивозрастные, и ботокс наверняка. По поводу «пластики» не уверен, надо будет у Альки спросить, она такие вещи мгновенно «сканирует».

Смородская глаз не отвела. Если б не знал, что это жена «вылупившегося» в 90-е годы воротилы, подумал бы, что здесь «старые деньги». Холод, уверенность, достоинство – прямо английская леди! Откуда что берется? И какая у нее такая «профессиональная жизнь»?

Хотел спросить, чем же она занимается, кроме хождений по салонам красоты, но вопрос как-то сам собой ускользнул. Впрочем, это успеется.

В поезде можно раз за разом «прокручивать» долгий, вязкий разговор, присматриваться к деталям, «искать блох». С завтрашнего дня времени на рефлексию не будет. В первую очередь – контора. Турецкий улыбнулся. Он тоже про себя начал так называть офис успешного рыбинского предпринимателя. Потом нужно заглянуть к коллегам. Здесь все должно пройти гладко. Начальник местного угрозыска, как практически случайно выяснилось, когда-то учился с товарищем Турецкого, заместителем генпрокурора Меркуловым. Обнаружилась эта почти родственная связь действительно нежданно-негаданно. Косте, как всегда, что-то внезапно понадобилось. В десять вечера того самого дня, когда «Глорию» посетила Смородская, мобильный Турецкого возмущенно запиликал. На экране высветилось «Костя».

– Надо увидеться. Как насчет завтра?

– Если только рано утром. У меня в четыре поезд.

– Нет, в первой половине дня не могу. Тогда отложим до приезда. Это важно, но, в принципе, не очень срочно. А куда и зачем ты собрался, если не секрет, конечно?

Турецкий усталым голосом в нескольких словах изложил суть дела, которое ждало его в Рыбинске. Услышав название города, Меркулов многозначительно хохотнул.

– Передавай привет Леше Подгурскому. Ты там мимо него не пройдешь, все дороги ведут в его кабинет. Давно его не видел.

– А откуда ты рыбинских деятелей знаешь?

Тут Турецкий понял, что сейчас нарвется на цветистую сагу о трудных годах учебы. В принципе, обошлось «малой кровью». Костя, похохатывая, вспомнил пару баек о том, как они с Подгурским грызли гранит юриспруденции, после чего резко сменил интонацию.

– Имей в виду – если что не так, ты там не один. Обязательно в первую очередь зайди к Леше – он тебе весь окрестный пейзаж распишет в лучшем виде. Когда обратно думаешь?

– Да не спрашивай. Там все как-то мутно. Пока не буду загадывать. Боюсь, даже неделей не обойдется. Погляжу своими глазами, и как что-то станет ясно, позвоню.

В общем, с Подгурским получилось удачно. Турецкий по себе знал, что никто не любит, когда пришлые люди влезают в дела. Но он тут выступает не совсем «варягом». Спасибо Косте. Остается надеяться, что у Подгурского воспоминания о годах учебы столь же трогательные.

Ирина на очередной отъезд никак не отреагировала. В последнее время она перестала проявлять яркие эмоции. Едешь – хорошо, возвращаешься – ладно. Тут и оправдываться-то смешно, не для собственного же удовольствия он срывается с места. Сейчас эти вечные командировки стали

не такие опасные, как десять лет назад, например. Казалось бы, живи и радуйся. Но что-то непоправимо сломалось. Отчуждение росло.

Это был неуправляемый процесс. С некоторых пор в командировки хотелось уезжать надолго и желательно – далеко. В этом контексте Рыбинск – не самый лучший вариант. Турецкий неожиданно для себя хмыкнул вслух. Да-а, если так дальше пойдет, финал истории предугадать нетрудно. Будет еще одна загадка для знакомых: как, столько лет вместе, дочь взрослая – и развелись? Зачем? Как это возможно? Да вот так! Впрочем, до этого пока не дошло.

По красивым местам едем, да вот беда – не видно уже ничего. За окном – хоть глаз выколи. Поезд замедлил ход, приближаясь к платформе. Аля забронировала номер в гостинице, он даже не стал уточнять, в какой. Надо глянуть в заботливо собранную ею папочку – там все: документы, номер брони, подшивка бумаг – то, что «продвинутому сотруднику» удалось накопать за вечер о местном бизнес-сообществе. Интернет – великая сила. Он просмотрел перед отъездом плоды Алькиных праведных трудов – тут понемногу обо всех крупных предприятиях города, кто чем владеет, кто чем «рулит». Посмотрим, насколько все это пригодится.

Турецкий дождался, пока вагон опустеет. Он не любил выходить первым, особенно на перрон, на котором его никто не ждет. Смородская предлагала прислать за ним водите-

ля, но он отказался. Не хотелось никаких, даже вполне естественных, любезностей от этой высокомерной «вдовушки». Перед зданием вокзала дежурила парочка ведер с гвоздями, именуемых «такси». Сейчас – в гостиницу и спать. Завтра – в контору.

Глава 3

– Чего ты орешь как недорезанная?

Девушка метнулась в сторону от оврага.

– Женя, там труп!

– Какой труп? Успокойся. Дай, посмотрю.

Правда. Действительно, труп. Даже два. И понесла ее нелегкая в кусты именно в эту сторону! Что мешало пойти не направо, а налево? Хотя логично, здесь заросли гуще. И что теперь делать?! Ясное дело, вызывать милицию. Ладно, не так уж страшно, в конце концов, они тут ничего криминального не делали. Гуляли по берегу. Все равно противно – два женских трупа в овраге. Домой черт знает когда возвращаться придется.

– Успокойся, хватит всхлипывать. Сейчас в «ментуру» позвоним – все образуется.

– Что образуется? Я домой пойду, ладно?

– Какое «домой»? Совсем офонарела? Ты представляешь, как я буду выглядеть тут один с двумя мертвыми голыми девицами в кустах? Классно! Маньяк раскаялся и вызвал милицию!

Девицы действительно были голые. И вообще, выглядели довольно мерзко. Впрочем, как еще могут выглядеть трупы? Нет, эти были совсем странные – тела, испещренные ножевыми ударами – сколько их было? Так сразу и не сосчитать.

На груди, там, где сердце, раны… Грудная клетка вскрыта.

Милиция приехала быстро. Овражек с чахлыми березками и густыми зарослями кустов быстро оцепили. Долго их там не задержали – так, взяли паспортные данные, спросили, чего они тут на берегу в пять утра делали. Ответ никого не шокировал – гуляли. Действительно, отчего не погулять с девушкой летом на рассвете. И ничего, что у тебя в паспорте штамп о заключении брака с особой, которая к этой прогулке никакого отношения не имеет. Лейтенант, проверявший документы, полистал паспорт и понимающе хмыкнул:

– Давай, Ромео, дуй отсюда. Как понадобится, тебя вызовут.

Хорошо, что за маньяка не приняли.

Место это было красивое. Как и все здесь, красивое неброской, тихой красотой. На открытку не просится. Просится в акварель.

Лейтенант Панюшкин был эстет. В детстве учился в художественной школе. Репиным не стал, жизнь сложилась по-другому. Однако живопись Панюшкин любил, до сих пор иногда в свободное время, которого с каждым днем становилось все меньше и меньше, «баловался» пейзажами. Портреты почти никогда не удавались.

Да, такое красивое место, и такой кошмар. Уже рассвело, легкий туман с водохранилища, придававший всей картине

некий мистический флер, рассеялся. Вовсю заголосили птицы. Все стало до боли реальным. И девичьи трупы – в первую очередь. Женскими их назвать язык не поворачивался. Девчонкам, так, навскидку, лет четырнадцать-пятнадцать. Вот это то, что в газетах обычно называют «зверское убийство». И в данном случае уж точно нет никакого преувеличения. Панюшкин был парень молодой, но бывалый. Всякого уже навидался, но такое было в первый раз. И дело тут даже не в кровище и многочисленных ножевых ранениях. Тут, в принципе, ничего нового. От тоски, безденежья и общего вырождения «бытовуха» с «расчлененкой» давно перестала быть экзотикой. Здесь страшно было по-другому…

Панюшкин не сразу заметил, что шагах в десяти от тел, среди кустов и высокой травы, виднеется крест. Могила? Приглядевшись, он понял, что крест не наш, не православный. Перевернутый. Ритуальное убийство. Здорово. Только этого не хватало! Если в городе завелись маньяки-сатанисты, готовые так далеко пойти в отправлении своего сектантского культа, то жди продолжения. Обычно такие случаи единичными не бывают. Веселенькие деньки предстоят! От перспективы «шерстить» среди городских сумасшедших в черных плащах с капюшонами Панюшкина передернуло. Работа, конечно, интересная, но нервную систему ой, как травмирует!

«Находку» отвезли судмедэкспертам, и даже у них, ко все-

му привычных, реакция была налицо и на лице. Как правило, ее в принципе нет – так и с ума сойти недолго, если на все реагировать. Сказали две важные вещи. Первая – трупам дня три, не меньше. Сделали запрос по заявлениям в милицию о пропавших без вести. Без толку. Никто никого не ищет. Так они, голубушки, и остались неопознанные в холодильниках в ожидании «лучшей доли», когда их отец-мать хватятся. А может, они детдомовские? Не может ведь такого быть – девок три дня как след простыл, а родителям хоть бы хны?

Вторая – общее количество ножевых ранений на оба тела – 666. Теперь уже Панюшкин был окончательно уверен – сатанисты.

Собственно, в этом смысле Рыбинск ничем не отличался от любого другого российского города. Тут много всякой «живности» развелось, от самых безобидных, свидетелей Иеговы, например, до сатанистов. Другое дело, что до сего момента они вели себя довольно тихо, не наглели. Устраивали себе капища в окрестных лесах, но дальше умерщвления бродячих собак и кошек дело не шло. Это, конечно, тоже плохо, но за руку никто никого не ловил, а открывать уголовное дело по факту обезглавливания беглой трехцветной Мурки – это при общем количестве ограблений и убийств человека человеком – для нас пока чересчур. Чай, не в «Европах» живем.

Кстати, капища сатанистов были в народе известны. Там предпочитали без острой надобности не оказываться. Па-

нюшкин прекрасно помнил, как пару лет назад, гуляя по берегу водохранилища в поисках удачного ракурса, заметил среди веток силуэт парня, который совершал очень странные маневры. Сначала он стоял и раскачивался, потом встал на колени, пополз так немного, поднялся, обернулся и весьма враждебно «зыркнул» на Панюшкина недобрым черным глазом. Незадачливый художник предпочел смыться побыстрее, но потом вернулся на это место и увидел, что на пригорке, где непонятная личность выделывала свои «кренделя», земля была то ли тщательно прополота, то ли даже выжжена, и на гладкой ее поверхности четко просматривался выложенный камнями странный знак. Панюшкин предпочел не вникать и больше сюда не возвращался. Как-то обмолвился в разговоре с приятелем об этом случае и в ответ услышал: «Как, ты что, не знал? Это ж капище сатанистов. Нашел, где творчеством заниматься!» Общее мнение относительно подобных мест сводилось к тому, что сатанисты, конечно, вот так среди бела дня на людей кидаться не будут, но все равно лучше там не ходить. Почему? Причины иррациональны. Кто знает, что эти безумные могут и чего они не могут. Почва-то зыбкая… Логически этот безотчетный страх было не объяснить, это что-то сродни боязни кладбищ. Вот чего мертвых бояться? Они же мертвые, что они сделают? И все равно, желающие переночевать на кладбище валом почему-то не валят… Ну, разве что, эти подростки ненормальные, как их там – готы.

Ладно, шутки шутками, а тут дело серьезное. Панюшкин был озадачен.

На следующий день стало чуть-чуть полегче. Поступило заявление от гражданки Гороховой Веры Васильевны об исчезновении ее дочери, Гороховой Екатерины. Со слов матери стало известно, что четыре дня назад (по срокам совершения убийства все сходилось) Катя ушла из дома и не вернулась. На вопрос, почему она начала интересоваться судьбой отсутствующей дочери только сейчас, женщина махнула рукой:

– Да она и раньше по нескольку дней дома не бывала. Говорит, пошла, вернусь, наверное, завтра. А завтра, оно может наступить, когда угодно. Может, через неделю. А может, действительно завтра. Кто ее, Катьку, знает?

Тогда почему же она, если уж дочка ее такая известная «оторва», решила искать ее сейчас, спустя всего четыре дня после ухода? Горохова ответила на это просто и страшно:

– Чувствую. Стряслось что-то неладное.

Тело она опознала сразу. Не кричала, не плакала, просто прошептала: «Я знала, стряслось что-то».

Как ни странно, женщина почти сразу смогла дать показания. Спокойно, монотонно рассказала все, что знала о жизни своей убитой дочери. А знала она немногое. Все четырнадцать Катиных лет она, рабочая на хлебозаводе, «тянула» все одна, некогда ей было интересоваться, кто, что, почему,

с кем, когда… Был бы ребенок накормлен, одет да обут, а остальное все как-нибудь образуется. Вот и образовалось… В школу Катя ходила от случая к случаю, на следующий год собиралась в швейное ПТУ, где уже училась лучшая ее подруга Валька. И вот они с этой самой Валькой везде шлялись, накрашенные, как клоуны из ночного кошмара, все в черном. Но она и не переживала особо – полгорода вон в черном ходит, и ничего.

Услышав про подругу Вальку, Панюшкин предположил, что возможно она есть вторая убитая девушка, и спросил Горохову, смогла бы она опознать еще одно тело. Женщина покорно согласилась. Долго разглядывать труп она не стала. Едва откинули простыню, она подтвердила: «Да, это она, Валя, Валентина Гвоздикова, пятнадцать лет ей было». Тут Горохова, не проронившая не единой слезы над телом дочери, горько и отчаянно разрыдалась. Видимо, кончилась эта странная «анестезия», тормозящая реакцию в момент, когда горе внезапно настигает. Она, наконец, осознала, что именно произошло.

Дальше разговаривать смысла нет. Надо дать ей прийти в себя. Панюшкин накапал женщине валокордина, по случаю нашедшегося у судмедэкспертов, и предложил подвезти до дома. Горохова нашла в себе силы сказать «да» и пробормотать адрес.

Пятиэтажки, понатыканные одна к другой, чахлые палисадники перед ними. В подъезде, как ни странно, довольно

чисто. Привычные в таком антураже использованные шприцы нигде не валяются. «Дворники работают на совесть», – подумал Панюшкин.

Хилая, практически фанерная дверь, замок на честном слове держится. А впрочем, что здесь брать? Так и оказалось. В коридоре – зеркало с потрескавшейся эмалью и кособокая вешалка. На ней одиноко покачивался черный плащик. «Катин», – догадался Панюшкин. «Конечно, четыре дня назад около тридцати градусов было, зачем ей был плащ? Не надела…» Горохова стояла, прислонившись к дверному косяку, и смотрела прямо перед собой. Лейтенант разулся и молча отвел женщину в одну из двух имевшихся в квартире комнат. Уложил на диван.

– Вера Васильевна, вторая комната – Катина? Я пройду туда, взгляну на ее вещи, может быть, бумаги какие-то найду. Это нужно для следствия.

Ответа не последовало. Горохова продолжала лежать, не двигаясь и уставившись в пространство невидящими глазами. Панюшкин осторожно вышел. Под ногами уныло поскрипывали облезлые деревянные половицы.

Катина комната оказалась меньше той, в которой он оставил ее мать. Узкая кроватка, письменный стол, за которым, как можно предположить, уроки делались редко. На нем – то, что Панюшкин меньше всего ожидал здесь увидеть, – компьютер. Старый-престарый «третий пень». А он вообще еще работает? Приблизившись к запыленному «чуду техники»,

лейтенант нажал кнопку «power». Процессор глухо заурчал. «Пашет еще, трудяга», – мелькнуло в голове у Панюшкина. В такой ситуации мысли о модификациях компьютеров, пожалуй, самые неподходящие, но удержаться было невозможно. «Третий пень» он в глаза не видел уже несколько лет. Медленно, будто с усилием, на экране образовался рабочий стол. На картинке – полуголая нимфетка в черном. Надо полагать, Катя хотела быть на нее похожей. Папки с файлами. Их было немного, но Панюшкин предпочел бы спокойно просмотреть их дома. Хотелось поскорее уйти из этой квартиры, где поселилось горе. Он уже отстегнул от брелка гигабайтную «флешку» в виде пули, как вдруг его осенило – у этого «динозавра» нет USB-порта. А у него, разумеется, нет с собой дискеты. Он вообще уже забыл, что это такое. Что ж, придется смотреть прямо здесь.

Он решил на всякий случай глянуть, что делает Горохова в соседней комнате. Вера Васильевна спала. Он постоял рядом несколько минут. Женщина иногда постанывала во сне, будто от физической боли.

Вернувшись в Катину комнату, Панюшкин в первую очередь открыл папку, незатейливо названную «фотки». Фотографий, любительских, зачастую с пересветом и расфокусом, было много, около ста. Целый цикл, который можно было бы назвать «какой я хочу казаться». Катя с видимым удовольствием копировала позы моделей из рекламы нижнего белья и парфюма, корчила уморительные рожицы, пытаясь

соблазнить неведомого зрителя. Вот только фоном для всего этого «праздника детства» служили не роскошные апартаменты или берег морской, как на вдохновлявших ее снимках, а линялые обои в давно не подвергавшейся ремонту квартире. Может быть, в этой. Может, в любой другой.

Были фотографии, явно сделанные на «мобильник». Это уже был другой жанр – репортаж. Компании подростков, накрашенных, цитируя Катину маму, как «клоуны из ночного кошмара». Одеты в черное – явно синтетические черные кружева, черные юбки, платки, шарфы. Крупные металлические украшения. Готы. Их много в городе. Было несколько фотографий ночных кладбищенских посиделок – на заднем плане угадывались покосившиеся памятники. Эти ребята предпочитали старые кладбища. Наверное, там атмосфера «погуще».

Выделялась пара снимков на детской площадке. Две девочки дурачились на качелях. Катя и, наверное, Валя. Лицо подруги он видел только искаженным предсмертной судорогой и поэтому мог только предполагать с определенной долей уверенности.

Да, да, именно «девочки», несмотря на наивный разврат торчащего из-под джинсов нижнего белья. В этот раз Катя, видимо, забыла «навести красоту» и была такой, какая есть – бледный северный ребенок, выросший вблизи кабельного завода. Панюшкина замутило при мысли, что сейчас это изрезанное в клочья тело в холодильнике у судмедэкспертов.

Да, наверное, правду говорят в отделе, ему недостает опыта. Впрочем, это как раз поправимо. Рано или поздно он наберется достаточно опыта, чтобы не реагировать ни на что. А пока приходится внутренне содрогаться.

Быстро пролистав папку «фотки», Панюшкин пришел к выводу, что здесь зацепиться не за что. Была еще папка «картинки». «Кликнув» пару раз, он понял, что и тут ловить нечего. Явно скачанные из Интернета (она еще в сеть с этого агрегата выходила!) фотографии голливудских звезд и известных фотомоделей. Противоречивая она была девушка, эта Катя. «Розовопестрый» гламур плохо сочетался с идеологией готов. Хотя, какая тут может быть идеология? Подросток – он и есть подросток. Хочется любви, красоты и еще быть непохожим на других. Это – главная мотивация. Только почему-то именно непреклонное стремление выделиться, как правило, делает их всех одинаковыми. Рано или поздно Катя поняла бы это сама. Но уже не поймет.

Из соседней комнаты послышался шум. Видимо, Вера Васильевна проснулась. Надо бы подойти к ней.

Но Панюшкин все же решил до конца разобраться с нехитрыми интеллектуальными накоплениями девочки. Было еще несколько папок, связанных, судя по всему, со школой. «Все-таки она не только балду била, еще уроки иногда делала», – мелькнула мысль. Их открывать Панюшкин не стал. Решил, что, в крайнем случае, потом глянет. Его внимание привлекла папка со странным названием – наверное,

в момент ее создания Кате захотелось поиграть в шпионов. «XXX» – так она называлась. Он открыл загадочную папку и замер – там было несколько документов. Один представлял собой скачанную целиком страничку из Интернета. «101 правило сатаниста». Вот так. Полюбить – так королеву, потерять – так миллион. Если уж выделяться – так по полной. Ночевки на кладбище – ерунда, игра, бирюльки. Похоже, тут все было серьезнее.

Прямо за его спиной послышались шаркающие шаги. Вера Васильевна, шатаясь и тяжело дыша, ухватилась за стул. Лицо было белее мела. Губы синие. Панюшкин бросился к телефону вызывать «скорую».

Глава 4

Улица, в общем, красивая. За счет зелени. Она придает пространству некое стилистическое единство. Прячет нелепые башенки и эркеры – следы эстетики 90-х, когда каждый был сам себе архитектор. Скрадывает отсутствие пропорций тяжелых кирпичных сооружений, возведенных не иначе как для обороны от неприятеля. Неизвестно, как это будет выглядеть зимой – выстроившиеся в ряд разномастные особняки, а вокруг все белое, небо низкое, серое. Дом Смородской практически не был виден за высокой каменной оградой. Но сама по себе эта ограда – надо отдать должное хозяевам, пощадившим вкус прохожих, – была красивой. Серо-бежевый туф, увитый ползучей растительностью, вокруг – аккуратный газон, на углу – урна для мусора в той же стилистике. Разумеется, это была забота не о ближних, а о себе самих, – мол, раз уж ходите здесь мимо, будьте любезны, мусор на землю не бросайте хотя бы. Разумно. И полезно, в конце концов. Турецкий подошел к воротам, над которыми была установлена камера наблюдения, и позвонил. Молодой женский голос, почти детский, спросил, кто это. Он ответил. Минуты через две ворота отворились, и он увидел перед собой девочку с фотографии на море. Нет, конечно, на той фотографии она была значительно моложе. Должно быть, два-три года прошли. В этом возрасте это разница чувствитель-

ная. На снимке совсем ребенок, сейчас – вполне девушка. Вот только одна незадача – откровенно некрасивая. Чтобы сделать такой вывод, достаточно одного взгляда. На отца похожа. Нет, разумеется, черты несколько облагорожены, утончены самой половой принадлежностью, да и материнская порода, видно, даром не прошла. Но все же ей будет тяжело.

– Александр Борисович? Проходите. Мама вас ждет.

На территории – явные признаки усилий ландшафтного дизайнера, но все неброское, приглушенное, под стать хозяйке. Никаких нарочито дорогих, несвойственных климату растений или очевидно роскошных аксессуаров. Как будто заросший пруд, беседка, качалка, мангал. Много деревьев. Пространство большое, стилизованное под кусочек английского парка. По усыпанной гравием дорожке они прошли к крыльцу. Интерьер дома подтверждал предыдущие впечатления. Неброская роскошь. Одна интересная деталь. Пройдя через библиотеку – большую комнату со сквозными дверями и камином, от пола до потолка уставленную книжными стеллажами, – Турецкий увидел обтрепанные старые корешки. Книги из прошлой жизни. Хотелось остановиться и посмотреть, но они быстро прошли к массивной деревянной лестнице и поднялись на второй этаж. Кабинет ситуацию немного прояснял. На фоне тяжелой кожаной мебели и карнизов под позолоту женщина смотрелась неорганично. Эту комнату декорировала явно не она.

– Здравствуйте. Это кабинет Олега. Если что-то может

быть интересное для нас, то только здесь. Я нашла кое-что в сейфе и в ящиках. Я ничего в этом не понимаю, но мне показалось, что в этих бумагах нет ничего интригующего. Но вы посмотрите сами и решите. Мы вас здесь оставим. Будете кофе?

Турецкий согласился. В гостинице эспрессо, конечно, был не из цикория, но все равно далек от идеала, а тут есть надежда на наличие нормальной кофеварки.

– Кира, свари кофе Александру Борисовичу. Как ты умеешь.

Интересно. Девочка умеет. Очень интересно. А что она еще умеет? Нехарактерная система воспитания. Минут через десять Кира вошла в комнату с подносом. Кофе действительно оказался отменный.

– Спасибо. Отличный кофе.

– Да не за что. Это моя специализация. Люблю и умею. Обожаю все итальянское, в том числе настоящий эспрессо.

– И что, часто в Италии бываешь? – Сейчас он заметил, что при ближайшем рассмотрении внешность не кажется такой уж безнадежной. Это был не тот случай, когда нескладные черты преображались красивой улыбкой или какими-нибудь необыкновенными глазами, например. Хотя, нет, дело было именно в глазах. Небольшие, широко расставленные, серые и очень умные. И грустные. Впрочем, радикально это ситуацию не меняло. Все равно ей будет трудно, бедняжке.

– Да. По два раза в год с родителями ездили. В этом году одна, наверное, поеду. На языковые курсы. Мама сейчас вообще за границу ехать не хочет. Говорит, лучше в санаторий какой-нибудь в средней полосе.

– А чего не в Карловы Вары?

– Да ясно. Воспоминания. Ассоциации. В прошлом году они туда с отцом ездили…

Ладно. Оставим сентиментальные воспоминания о красивой жизни новорусской семейной пары. Да и красивой ли? Кто знает, что там за воспоминания и ассоциации? Может статься, крайне неприятные. Кто знает?

Девочка уже ушла. На столе лежала небольшая пачка документов. Может, Анна Федоровна права, и там действительно нет никаких зацепок, но все равно стоит глянуть. Вдруг незамыленный взгляд заметит что-нибудь подозрительное.

По большей части бумаги касались страховки на машину – спортивный «Мерседес», видать, любимая была игрушка. В общей куче затесались несколько неведомых резюме каких-то девиц, вряд ли претендовавших на крупные должности в компании Смородского. Анна их видела. И никак не прокомментировала. Впрочем, что она могла сказать по этому поводу чужому человеку, нанятому для расследования убийства? Вряд ли тот факт, что собственник крупной компании явно занимался «мелочовкой», слишком подробно вникая в кандидатуры потенциальных секретарш, мог

иметь какое-то отношение к мотиву преступления. Интересно, что, понимая это, она все-таки вложила эти документы в пачку, предназначенную для просмотра следователем. Сознательно или нет? Странный вопрос, похоже, эта дама все делает сознательно. А… вот интересная бумажка…

– Ну, что? Посмотрели? – Смородская бесшумно вошла в кабинет.

– Вы были правы. Ничего, напрямую касающегося работы. Есть один забавный документ, но я в сомнениях, по какому разделу его провести в нашей классификации.

– Что вы имеете в виду?

– Да вот он. Это отчет службы безопасности. За неделю. Отчет о слежке за передвижениями объекта под названием «Ф.Ф.». Кто бы это мог быть?

Анна Федоровна рассмеялась. Видимо, ей документ загадочным не казался.

Глава 5

Панюшкин смеялся от души. «Быть сатанистом – тру». В общем, в этой ситуации, конечно, не до смеха, но удержаться было невозможно. Тем более, что смеялся он над собой. Над своей собственной буйной фантазией. А точнее, над удивительной способностью усложнять ближних. Сколько раз уже была возможность убедиться в том, что окружающие… Даже нельзя сказать, что они примитивнее, чем хочется думать. Нет, они довольно замысловатые и загадочные создания, просто эта таинственность не имеет никакого отношения к роковым страстям и ситуациям, тянущим на закрученный детективный роман. Да, и это даже учитывая его род занятий. На самом деле, никто не отменяет трагедию, которая, как ни крути, произошла. Девочек убили. Вот только была это, видать, просто трагическая случайность. А он-то надеялся на трагическую закономерность…

Скорая приехала через десять минут. Он мог уйти сразу после их прибытия, но почему-то остался. Подождал, пока Вере Васильевне мерили давление, вкалывали какое-то лекарство. Нет, никаких показаний для госпитализации, покой, сон, вы ей кто? Сын? Нет, не сын, я тут так… Пришлось рассказать, что произошло, кто он есть, и насколько ситуация, скажем так, запущенная. Врач очевидно озадачился, оставил какой-то телефон доверия, сказал, что завтра к

ней зайдет участковый. «Засандалил» дополнительную дозу успокоительного. Женщина вскоре заснула опять, а Панюшкин ушел, предварительно глянув еще раз на скачанную страничку, чтобы запомнить ссылку.

«Сатанист – верный сын сатаны. Идиот, не внебрачный, а верный». Вот так. Похоже, Катя тоже смеялась, когда читала эти «правила сатанистов». Конечно, всерьез эту историю принимать нельзя. Итак, версия, что девчонки сами нарвались, вписавшись в секту, отменяется. Искать их следы среди последователей Лавея бессмысленно. Скорее всего, это была чистая случайность. Но от этого не легче. Скорее, наоборот.

Придя домой, он сразу же набрал эту ссылку в предвкушении чего-то ужасного и таинственного, но обнаружил вот этот откровенный стеб. «Сатана – это такой мрачный и ужасный черт, типа Барлога, только черного цвета. Поэтому его все боятся». Да, Катя и Валя были, видать, просто среднестатистическими троечницами, которые хотели «выпендриться» немного, но ничего экстремального совершать не намеревались. Это очевидно. Насколько было бы проще, если бы эти правила сатанистов оказались серьезными пафосными писаниями, которые могли бы дать пищу для размышлений и зацепок. Так нет же, чья-то сетевая шутка, над которой не обхохочется только ленивый.

«Мыть голову – не тру. Волосы должны быть длинными, черными и сальными – так ты выглядишь мрачно и ужасно». А вот этому правилу, судя по фотографиям, девочки следо-

вали, прямо скажем, инстинктивно. Было, правда, подозрение, что к эстетике такая позиция не имела отношения, просто не возникло за пятнадцать лет жизни привычки мыть голову каждый день. Вот и ходят они, такие «мрачные и ужасные», что самим подчас страшно. Ладно, эти уже не ходят…

Так что это могло быть, в сухом остатке? Случайность случайностью, но к местным сумасшедшим, похоже, сунуться все равно придется. Кому пришла в голову мысль перейти от кошек к людям? Кстати, нельзя отметать возможность, что кто-то просто решил «замаскироваться» под этих самых сатанистов. От этой мысли у Панюшкина заболела голова. Если это так, то дело пахнет «висяком». Искать маньяка, который так заметает следы, – гиблое дело. То есть, не совсем гиблое, конечно, но нужно больше данных, а значит – надо, чтобы он еще кого-нибудь убил. Но, лучше бы он этого не делал.

«Пентограмма – это такая перевернутая звездочка в круге. Ее носят на шее. Что обозначает? Тебе этого знать не надо, просто запомни слово.

Пентограмму можно получить у наставника. Он получает их прямо от Сатаны и освящает кровью невинной девственницы. Или можешь купить ее в любом киоске, торгующем сувенирным барахлом. Пентограмма – твое самое главное оружие в борьбе с врагами. Береги ее. Еще ею можно открывать бутылки с пивом». В общем, правила сатинистов в альтернативном формате одновременно впечатляли, веселили и

разочаровывали.

Хорошо. Хотя, ничего хорошего, конечно. Если это убийство окажется единичным, – а на это стоит надеяться, уповать и молить об этом провидение, – но получается, что кто-то целил именно в этих конкретных вполне безобидных разгильдяек, подобных которым в городе полным-полно. Вот кому и, спрашивается, чем могли досадить Катя и Валя до такой степени, что у человека, пусть даже ненормального, возникла мыль проткнуть девчачьи тела ножом 666 раз? Эти девочки, они ж, как в том анекдоте, «неуловимый Джо»! Кому они нужны-то? Но ведь оказались нужны. Даже очень, судя по тем издевательствам, которым подверглись уже мертвые их тела. Вырезать сердце… И что с ним потом сделать? Хорошенький «сувенир»!

В голове, как на зло, крутились те самые злосчастные, уже совершенно бесполезные правила. «Чтобы быть сатанистом-философом, нужно тоже прочитать много книг, только с другой полки, на которой будет бирка «философия». Здесь очень важно запомнить фамилии авторов – это не так трудно, потому что они все смешные, например – Платон или Штирнер». Может, даже толк какой-то есть от этих правил?.. А что, вполне возможно! Вот, прочитает их какая-нибудь пэтэушница и, глядишь, в библиотеку зайдет, поинтересуется, кто он есть, этот самый Платон или Штирнер. Впрочем, поможет ли ей это в жизни? Кто знает? Многие знания, как известно… Тут Панюшкин усилием воли остановил «поток

сознания». Не в ту сторону потянуло. Читала Катя Штирнера или нет, но она мертва, лежит в холодильнике у судмедэкспертов со вскрытой грудной клеткой. Да и Валя – совершенно не важно, знала она, кто такой Платон или нет, находится там же, лишенная сердца… Надо в школу, наверное, сходить и в «путягу». Выяснить подробнее про их короткие непутевые жизни. Может, там окажется какая-нибудь зацепка?

Резким движением Панюшкин захлопнул крышку ноутбука. Школа так школа, пойдем в школу.

Глава 6

Итак, загадочный «Ф.Ф.» оказался Филиппом Феоктистовым, а точнее, Филиппом Андреевичем, вторым акционером «Атона» – так называлась компания Смородского. Смешное в этой ситуации виделось только Анне Федоровне, но с нее взятки гладки. В конце концов, стресс, расстроенные нервы, психика неустойчивая. Ей все смешно, и хорошо еще, что так. Многие в такой ситуации рыдают неустанно, а эта ходит, как под анестезией, и хихикать начинает там, где, вроде как, и повода никакого нет. Короче, Анна Федоровна, радостно заливаясь, рассказала, что слежка друг за другом у Олега с Филиппом давно стала своеобразным спортом. Они этим начали развлекаться с незапамятных времен, можно сказать, с самого начала их замысловатой совместной деятельности. И если бы кто-то из них решил убить партнера, то сделал бы это уже давно. А уж повод найти было бы несложно – перечислять, сколько раз за это время они пытались «нагреть» друг друга, пальцев на руках и ногах не хватит. И все же, никто никого не убил, мало того, они до сих пор были вместе. Такой вот альянс, замешанный черт разберет на чем. Хотя, были слухи, что в последнее время у Олега появились мысли разделить бизнес, но там вроде всем должно было по справедливости достаться. В конце концов, времена уже не те, чтобы так просто скинуть кого-нибудь «с поезда современ-

ности». Нет, не стал бы Филя Олега заказывать. Он же первый подозреваемый! Нет, первая, конечно, она, Анна Федоровна, а он-то второй, но место тоже почетное. А про раздел фирмы лучше в конторе спрашивать, они там подробнее все объяснят про планы и прожекты…

На словах о первом и втором подозреваемом Турецкий чуть не поперхнулся глотком кофе из второй чашки, заботливо принесенной Кирой. Вот как мы заговорили! Так-так! Но он решил подождать, не давить на женщину. Так или иначе, сама все расскажет. Тем более, если она так откровенно иронизирует по этому поводу, то и секретов тут особенных быть не должно. Все в свое время узнается. А сейчас пора в «контору».

До двери его проводила Кира.

– Вы на маму внимания не обращайте. Она всегда была со странностями, а сейчас – особенно. Она ерунду всякую говорит про «первую подозреваемую», и прочее… а Феоктистов противный. Он мне никогда не нравился. Наверняка там что-то нечисто!

– Спасибо, Кира! – Турецкий улыбнулся. Почему она кажется некрасивой, эта девочка? Ситуация, в общем, не такая плачевная. Два глаза, две руки, две ноги. Ничего экстремального. Одета, как и положено девочке ее круга и возраста. Впрочем, так да не так. Красивые дорогие шмотки не сидят. Она не старается быть красивой. И разве кто поверит, что ей это не нужно, в пятнадцать-то лет? Это какой-то внутренний

протест. Откуда что берется? Ладно, вместо копания в подростковой психологии лучше продумать стратегию разговора с загадочным Феоктистовым. Что там за раздел у них намечался, и почему?

Внезапно заверещал мобильник. Послышалось смешное кряканье. Алька! Турецкий специально поставил на нее этот противный звонок. Зачем? Ясное дело, провокация, достойная школьника, который дергает за косичку соседку по парте. Что характерно, Алька на это не обижалась. Умница. По-своему, конечно. Понимает, что это очередное проявление неравнодушия. Ну, уж кто как умеет… Не стреляйте в пианиста, ему уже за пятьдесят!

– Александр Борисович, как устроились?.. Все сложно, говорите? А у нас просто и не бывает! Помощь не нужна?

– Нет, Алечка, тут уже нашлись умельцы варить отличный кофе.

– Фу, какой вы! Я про помощь спрашиваю, может, вам плечо подставить нужно, хрупкое мое, женское!

– Пока не нужно, но если есть что обсудить, позвони вечером в гостиницу. Роуминг, все-таки.

Выйдя с тихой, застроенной особняками улицы на оживленный по местным меркам проспект, Турецкий взмахнул рукой и остановил очередной шедевр отечественного автопрома, промышляющий частным извозом. Продиктовал адрес, который ему дала Анна Федоровна. Он совершенно не представлял, где это находится и как туда ехать, но был со-

вершенно уверен, что это недалеко. По московским масштабам. Поэтому его вдвойне удивила цена. Впрочем, это нормально. В Москве тоже только ленивый не воспользуется растерянностью приезжего. Бог с ним, рыбинским частником, который, видимо, решил заработать на московском пассажире свою дневную норму.

Перед уходом Турецкий попросил показать какие-нибудь фотографии Феоктистова. Казалось бы, зачем? И так ведь увидит его максимум через полчаса. И все-таки, хотелось настроиться. Понять «масштаб бедствия». Кира притащила несколько больших кожаных альбомов. Одинаковых. Сказала, что не проблема, в принципе, но надо поискать. Удивило, что они подходят к этому делу так масштабно. Печатают фотографии, до чего после появления цифры далеко не у каждого руки доходят. Во всем порядок. Ну, почти во всем…

Вразнобой попадались снимки с многолюдных корпоративов, посиделок вокруг мангала, были даже картинки совместного отдыха, чья-то свадьба, дни рождения, «конторские» будни последних лет. Пузатые бульдоги в дорогих костюмах были даже чуть-чуть похожи. Можно было подумать, что родственники. Наконец, одна черно-белая фотография. На ней несколько молодых парней – узнать среди них Феоктистова и Смородского непросто. Слишком фокус размытый, да и давнишняя фотография. Этим парням лет 25. Не больше.

– Вот Олег, второй справа, – прокомментировала Анна

Федоровна. – Год, наверное, восемьдесят второй. Мы уже женаты. А с Филиппом они познакомились еще раньше. В институте. В общем, они все это вместе сделали, и еще раз говорю, если они лет десять назад друг друга не перестреляли, то уж сейчас это точно было бы лишено смысла.

– Так я верю. Но поговорить-то все равно не лишнее.

Все-таки Анна Федоровна – странная женщина. Ведет себя так, как будто не она является наследницей половины компании, которую сейчас собираются делить. Как будто ее все это не касается. Самое смешное, что она до сих пор не высказала никаких предположений или версий, за что все-таки могли порешить ее мужа. Не может такого быть, чтобы она действительно ничего по этому поводу не думала… Не верится как-то. Да, запутано тут все, запутано…

Машина затормозила у небольшого, но эффектного бизнес-центра, архитектура которого вполне вписалась бы в деловой квартал любого крупного города. Бизнес центр, кстати, полностью принадлежал «Атону». Это еще Алька в Москве выяснила. Вообще, про «Атон» Турецкий знал уже довольно много. Он вышел из машины и вошел в прохладный кондиционированный холл.

Глава 7

Школа была, кстати, не такая обшарпанная, как можно было предположить. Все признаки недавно сделанного ремонта налицо. Стеклопакеты стоят. «Наверное, к последним выборам в порядок привели», – подумал Панюшкин, идя по коридору, покрытому неизменным для постсоветской школы клетчатым линолеумом. Ремонт ремонтом, а красно-синяя клеточка – это навсегда. Свеженькое благообразие, конечно, радовало глаз и настраивало на оптимистический лад, но, по сути, дела не меняло. Как шли из этой школы процентов восемьдесят в ПТУ, так и идут. Собственно, в самом ПТУ ничего плохого нет, ни в коем случае, никакого социального детерминизма. Так в чем тогда проблема? «В убожестве внутреннем, которое ремонтом не исправишь», – решил Панюшкин и сам испугался своего неожиданного пафоса. Детишки, конечно, все как на подбор… Интересно, когда они такими становятся? В колясках, вроде, все симпатичные, а в этом возрасте потолок уже угадывается безошибочно… С вот такой, далекой от идеала человеколюбия и терпимости, мыслью Панюшкин постучался в дверь кабинета математики на третьем этаже.

Логарифмы… да, логарифмы – вот что пыталась втиснуть в немытые из «сатанистских» принципов головы 9 «В» бодрая тетка средних лет. Где они, строгие, преисполненные

благородства учительницы из старых советских фильмов? С кичками… Да и усталые, замученные жизнью, но до тошноты принципиальные «училки» из собственного панюшкинского детства середины восьмидесятых тоже куда-то делись. Эта женщина явно справлялась с вверенной ей оравой на «ура», без лишней рефлексии.

– Катя. Катя Горохова. Ужасно это все, конечно. Кто бы мог подумать… Вы думаете, это серийный маньяк, да? Неизвестно пока, говорите? А кто ж еще-то? Кому ж они могли понадобиться, дурочки, пусть земля им будет пухом?

Панюшкин с самого начала понял, что ловить здесь будет нечего. «Классная» – тетка простая, здравая. Зря «накручивать» не будет, но и наблюдательностью особой не отличается. Они у нее все классифицированы, сидят себе по своим полочкам в зависимости от поведения и успеваемости. Приглядываться к каждому – никаких нервов и сил не хватит. Да это и понятно. Как иначе?

– Да ничего такого особенного они не делали, ни она, ни подружка ее, Валька. Я ее тоже помню, она на год старше, в нашей же школе училась. Они, знаете, были как все. И не смотрите на меня так. Я все понимаю, и не от плиты в школу пришла. И тоже хочу видеть в каждом ребенке личность, и прочее, и прочее, как оно там нынче в методичках говорится, но если она, эта самая личность, годам к десяти, в среднем, пропадает бесследно от всей этой жизни, то что же я здесь могу поделать? Вы загляните в класс, что вы там увидите?

Ну-ну! Понимаете меня, да? Именно, как все. И произойти это могло с совершенно любой девчонкой из этой школы, из этого класса, вон, с Веркой, например, Илюхиной, не приведи Господь, конечно! – Женщина устало вздохнула. – Это просто зло. Оно не выбирает, – добавила она почти шепотом.

Панюшкин вздрогнул. Наваждение быстро прошло, учительница вернулась к «социалочке». Ему пришлось выслушать еще какое-то количество неожиданных в своей откровенности и «неполиткорректности» рассуждений на тему «бытие определяет сознание». В общем, тетка забавная, вот только не вытащить из нее ничего.

– Лучшая подруга, спрашиваете? Так лучшая подруга – это Валька, с которой они вместе и… А в классе они все понемногу между собой общаются. Общность интересов, знаете, объединяет. Вы поспрашивайте у девчонок, может, удастся что-то выяснить.

Учительница вошла в класс.

– Так, мы сейчас прервемся ненадолго. Тут пришел следователь, по поводу Кати Гороховой. Ну, вы все знаете. Поговорить хочет. Кто что про нее знает, с кем, куда ходила, с кем дружила, ну, и так далее. Вы после урока к нему подойдите, ясно?!

Все заученно кивнули, но лица вдруг стали кислые, закрытые, в глазах будто опустились шторки. Кто-то отвернулся, кто-то уставился в тетрадку. Вот и все.

В ожидании перемены Панюшкин еще какое-то время

простоял по дверью класса, слушая «прямой репортаж» о борьбе подростковых умов с алгеброй. Потом прозвенел звонок. Ему стало немного не по себе от этого резкого дребезжащего звука, который наверняка стал спасением для какого-нибудь двоечника, в ужасе ожидавшего вызова к доске. В рекреацию резко хлынул поток. Все куда-то понеслись. Мимо него. Хоть бы кто-то притормозил.

– Девочка, подожди! – он попытался остановить тощенькую «ведьмочку» с длинными иссиня-черными космами, но она сделала вид, что не слышит.

Куда они все бегут? В столовую, наверное, а может, курить. Кстати!

– Валентина Николаевна, простите, еще один вопрос! А где они здесь курят?

– Где курят? Да в туалете!

Панюшкин напрягся. Ясное дело – девочки курят в женском. Это не самая подходящая ситуация, чтобы поговорить с подростками в неформальной обстановке.

– Нет, ну, сейчас, в мае месяце, они за школой собираются. Слева от входа.

Действительно, за углом стола группа подростков. Несколько парней и три девочки. Две из них были из Катиного класса. Панюшкин оказался прав. Спрятавшиеся в убежище между кустами акации и школьной стенкой, они были более расположены к разговору, чем вблизи кабинета, под надзором «классной». Как и следовало ожидать, парни боль-

ше отмалчивались, только плевали в траву в промежутках между затяжками. «Активничала» полная девочка с розовой челкой:

– Да, вот как все вышло, а ведь все хорошо у нее было в последнее время. Хорошо в том смысле, что парень новый появился – это всегда хорошо. – Короткий хриплый смешок. – Старше? Нет, не старше. Мы со взрослыми не гуляем. – Еще смешок. – Ну, может, бывает у кого, но у Катьки нет. Да, я того парня видела, это не «гон», ты чего говоришь? – Толстушка отмахнулась от «ведьмочки», ловко пускавшей колечки дыма. – Я видела его, он за ней после уроков заходил. Красивый, да, не то, что некоторые. – После этих слов угрюмый парень с уже явно просматривающимися усами хмыкнул и в который раз сплюнул. – Да, такой… Как сказать, не знаю, как сказать! – В голосе прозвучало раздражение на себя саму. – В общем, не такой, как наши. Да, он не в этой школе учится. В какой, не знаю. Катька говорила, на улице познакомились. Типа, романтично все у них было. Смешно, конечно, но, кто его знает, может, так и оно было, а?.. Не, ничего она больше не рассказывала, просто не успела. У них же недавно закрутилось. Да, жалко получилось, она радостная такая ходила, правда… очень жалко, очень. Очень… Да…

Глава 8

Человек, который держит в своем рабочем кабинете – заметьте, не в приемной для посетителей и не в предбаннике для секретарши, а прямо рядом с рабочим столом, – двухсотлитровый аквариум со скаляриями и акарами, – это уже интересно. Причем, тут надо понимать, что морской аквариум с затейливыми разноцветными тварями является, разумеется, в том числе имиджевым аксессуаром. А вот такая пресноводная лохань с созданиями, которые, как среднерусский пейзаж или девушка в очках, радуют глаз далеко не каждого зрителя, – это уже просто от любви к рыбкам. И все тут. Филипп Андреевич Феоктистов рыбок действительно любил.

– А как отличаете, где мальчики, а где девочки? – Турецкий, пользуясь незамысловатой стратегией, пытался изобразить интерес к очевидному предмету страсти собеседника.

– Со скаляриями, если честно, никак не понимаю, а с акарами все довольно просто. У самцов более яркий окрас. Такое часто встречается в природе.

– Да, в дикой, пожалуй. А вот среди людей скорее наоборот. – Турецкий сам не понял, чего это его понесло вдруг на малооригинальные обобщения, но надо же было как-то начать разговор с этим типом. Нельзя же было прямо спросить: «Филипп Андреевич, у вас нет идей, кто мог «заказать» вашего компаньона? А не вы ли это, часом, сделали?» Тем бо-

лее, что с каждой минутой, проведенной в кабине Феоктистова, Турецкий все больше убеждался в правоте смешливой Анны Федоровны. Не он, не он… Шестое чувство. А может, девятое. Конечно, никогда нельзя быть до конца уверенным, но если сама вдова некой иррациональностью поведения и явными проявлениями неустойчивой психики мозгла возбудить подозрения… В чем? Да в чем угодно, честно, говоря… То уж Филипп Андреевич? Нет. Зачем ему это надо? Уже незачем. На лице – все признаки неполадок с печенью. Глаза грустные. Пресноводных рыбок любит. У него, может, и любовницы-то нет. А на остальное денег хватает. С лихвой.

– А у кого до Олега руки дотянулись, я понятия не имею. Вы ведь по этому поводу пришли, да? Так вот, даже предположений никаких сделать не могу. Вы можете меня лично проверить с головы до ног, от прокуренных легких до «посаженных» почек, но ничего найдете. Поверьте, эту версию милиция уже отработала. Про раздел вы знаете, да? Там все прозрачно. Могу вам все документы предоставить. Тут никаких секретов нет. Я хочу продать свою долю москвичам. Ритэйл – это я говорю про два наших торговых центра на окраинах – требует усилий. Этим нужно заниматься. Даже здесь среда уже становится конкурентной…

Вот сейчас станет ясно, какой путь прошел выпускник строительного института, превратившись из перестроечного искателя приключений в преуспевающего бизнесмена. Он ведь реально в этом разбираться начал, наверняка до

бизнес-школы какой-нибудь, стокгольмской например, «доехал» на досуге. Отчего не повышать квалификацию, когда уже не торчат из-за каждого угла стволы! Вот такие преимущества спокойной жизни.

– У меня рак печени. Единственное, чего я хочу, покоя и возможности еще подраться за годик-другой вот тут, с рыбками… – Феоктистов хохотнул. – А здесь одна московская сеть давно хотела открыть свои супермаркеты. Мы с Олегом поначалу сопротивлялись. То есть, ясно было, что против корпораций нам не выстоять. Это хуже, чем бандиты. Да… Просто хотелось продаваться не за копейки, а эти две наши точки, они действительно самые лучшие в городе. Хотелось получить максимально. Подождали бы, конечно, еще немного, но тут у меня этот диагноз подтвердился. Мне некогда ждать. Хочу отойти от дел и лечиться, разумеется, пока возможно. Вот так. Так что, нам уже нечего было делить. А эти скалярии, между прочим, у меня тут размножаться начали… Вдруг! Три года плавали, и в некий момент ни с того ни сего икру метать начали…

Турецкий вздохнул. Слишком все гладко. Можно, наверное, «пробить» этих москвичей. Надо дать Альке задание выяснить, кто у них там регионами занимается и с какой степенью профессионального фанатизма, но маловероятно, маловероятно… Будем честны – это цивилизованный, прозрачный бизнес, да и справиться со Смородским, если даже он и вставлял какие-то палки в колеса, можно было массой

других способов. Имея фантазию, это не сложно. Нет мотива, мотива нет!

– А вообще, вы не там ищете, мне кажется. Я не лезу не в свое дело. Просто считаю нужным поделиться некими странными соображениями. Пожалуй, мне они самому кажется странными. Но, с тех пор как я узнал про этот проклятущий рак печени, почему-то считаю себя вправе нагружать ближних своими погружениями в метафизику… Вам это, конечно, мало интересно…

– Отчего же! Очень интересно. Раз уж фактов нет, нужно ко всему приглядываться: к «полуфактам», намекам, ощущениям, предчувствиям… Куда без этого? – На самом деле, Турецкому уже порядком надоела эта история, полная одних предчувствий, в которой факты блистали отсутствием, а смертельно больные философы поневоле и женщины «за гранью нервного срыва» вылезали, как кролики из шляпы фокусника. Но, видать, придется заняться вышиванием замыслов витиеватых узоров на этом тонком полотне. Так, если через два дня не найдется никаких зацепок, придется просто сказать Смородской, что ее мужа убили инопланетяне, а это уже по другой части. Тут ни угрозыск, ни детективное агентство не помогут. Это уже «секретные материалы» какие-то… Можно сразу, недолго думая, оправить ее к какой-нибудь бабке-ведунье и расслабиться, наконец…

– Анечка хочет знать, кто его убил? Зачем ей это надо, ума не приложу! – Феоктистов откинулся в кресле, пригото-

вившись разглагольствовать долго и с удовольствием. Ладно, это надо просто вытерпеть. Ну, насколько его может хватить? – Это ж ничего не изменит. Рациональной причины тут быть не может. Она нарвется только на то, что узнает о нем еще какую-нибудь гадость, себе же во вред. Я вам сейчас скажу такую вещь, только не думайте, что я с ума сошел… – На этих словах Турецкий обреченно вздохнул, а что делать, придется, видать, открывать в агентстве должность штатного психиатра, для таких вот случаев. – Ну, в общем, как бы бредово это ни звучало, но мне кажется, что в последнее время Олег просто притягивал к себе зло. Он в нем купался.

Феоктистов замолчал, то ли в ожидании реакции, то ли собираясь с мыслями. Приплыли. Если такие серьезные ребята, – а рак печени тут оправданием служить не может, – пускаются в «гнилую» метафизику и засоряют себе и окружающим мозги рассуждениями о добре и зле, то ситуация тут действительно запущенная.

– Это не работа для детектива. Дедукция с индукцией вам тут не помогут. Здесь нужно заглянуть в другую дверь, уж извините за неловкую метафору.

После «метафоры» Турецкий сдался. Феоктистов продолжил в том же духе. Он говорил долго, очень долго. И может быть, в его словах было рациональное зерно…

Глава 9

Полковник Подгурский злился. И даже не на кого-то конкретно, а на ситуацию в принципе. Сережа Панюшкин сам на себя не похож: третий день ни одной зацепки. Обычно он не то чтобы на ходу подметки рвет, но, в общем, работает довольно стабильно. А тут ерунда какая-то… А ведь дело серьезное, это вам не «расчлененка» по пьяни. Если это действительно серийный убийца, то скоро будут следующие, и вот тогда им всем тут мало не покажется.

– Панюшкин, ты хоть понимаешь, что тут начнется? – Подгурский уже не кричал, запал весь вышел. Да и к чему кричать-то? Криком тут не поможешь.

– А как же?! Понимаю, конечно, пойдет по всей округе «инфа» про серийного маньяка, журналисты добавят подробностей, насколько фантазии хватит…

– А вот это ты точно подметил. – На стол с шумом опустилась газета, имевшая в городе репутацию желтейшей из желтых. – Уже началось. Ты только почитай!

Панюшкин взглянул на страницу и увидел огромный заголовок «Жертвы маньяка-сатаниста. Кто следующий?». Материал был на целый разворот. Места не пожалели. Это понятно – не каждый день в городе появляются два трупа с вырезанными сердцами. Ситуация была описана в «кровавых» подробностях. Откуда они, правда, взялись, непонят-

но. В официальном пресс-релизе отчет был, прямо скажем, скупой и канцелярский, не располагающий к такому полету фантазии. Неужели информацию сливает кто-то из судмедэкспертизы? Хорошо еще, что фотографий трупов нет. На развороте островками среди убористого текста виднелись снимки того самого оврага с кустиками, где нашли девчонок. Их лица, вырезанные из общих школьных фотографий. И, собственно, все. Ну, и текст, разумеется, с умелым нагнетанием «макабра» – так, чтобы местным домохозяйкам жизнь медом не казалась.

– И это еще только начало. Если в ближайшее время мы сами не дадим им повод написать об этом деле, представив хоть какую-нибудь версию, они найдут ее без нашей помощи. И все. Тогда мы, считай, ситуацию упустили. Начнется паника. А там, глядишь, из Москвы какого-нибудь деятеля пришлют. Тут, кстати, один уже приехал. Правда, по другому поводу.

– Это по какому? – Разговаривая с начальником, Панюшкин пытался изображать неподдельный интерес к его словам, но получалось плохо. В голове прочно сидели эти две девицы и их 666 ножевых ранений. В сознании кружился дикий карнавал из школьниц-пэтэушниц и сатанистов с их разудалыми правилами.

– Помнишь недавний «висяк»? Убийство Смородского?

– Ну, да. Я им не занимался. Но помню. А что, его уже в «висяки» записали?

– Да, увы. Будем честны перед нашим народом, там какая-то чертовщина. У покойничка был, конечно, целый шлейф гадостей, за которые его могли «шлепнуть». Мы покопались и нашли много интересного: там и «подставы» довольно серьезные, в результате которых люди отмотали сроки ни за что ни про что. Тендер на строительство бизнес-центра «Атона» – ну, ты знаешь, в центре, такая стеклянная махина, – тоже был выигран не самым праведным путем. Москвичам тут пытался дорогу перейти. Так что, были причины, были, но в результате оказалось, что это либо совсем седая древность, за которую уже даже мстить некому, либо подозреваемые демонстрировали железное алиби.

– Ну, и… – Панюшкин не понял, чего шефа так резко «снесло» от их животрепещущего вопроса к мало кому интересной «заказухе».

– В общем, мы решили, – а дело это вел Березкин, – тут Панюшкин поморщился, – что это мог сделать кто угодно, ковыряться надо долго. Начали «ковыряться», Березкин до сих пор этим занимается, дело пока не закрыли, но, в принципе, убийство Смородского уже заранее записали в разряд «висяков».

– Ясно, и тут вдруг оказалось, что наш местный «деловар» оказался кому-то страшно нужен в центре, и нам, якобы в помощь, прислали московского следователя?

– Не все так запущенно. – Как будто опровергая свои собственные слова, Подгурский начал нервно чесать затылок. –

Вдова наняла частного детектива из Москвы.

Тут Панюшкин засмеялся. Все это действительно казалось крайне весело, прямо сюрреалистично. У них тут две девицы со вскрытой грудной клеткой, а из Москвы приехал какой-то тип, цель которого – перерыть грязное белье почившего в Бозе владельца компании «Атон».

– Он что, уже здесь объявился? – спросил Панюшкин сквозь смех, и, не дожидаясь ответа, продолжил: – Так чего ему надо? Материалы следствия, наверное, хочет? Шиш ему, так ведь?

– А ты не торопись с выводами, Сережа. Все не так плохо. Он мне уже звонил. И я про него кое-что знаю. Кое-что скорее обнадеживающее. – В этот момент на столе Подгурского зазвонил внутренний телефон. – Турецкий Александр Борисович? Да, естественно, прямо сейчас!

Через минуту дверь кабинета открылась. На пороге стоял Турецкий. Подгурский расплылся в улыбке на все тридцать два вставных зуба. Чего, собственно, и следовало ожидать.

После разговора с Феоктистовым Турецкому было несколько не по себе. Хорошо, наговорить сплетен различной степени достоверности про своего недавно убитого партнера по бизнесу – это не «фокус». А вот подвести все это под стройную теоретическую основу с выводами в стиле: «На каждое зло найдется еще большее зло», – это уже слишком. Тут недалеко и до «Дьявол забрал его грешную душу», и про-

чее и прочее. И главное, кто все это говорит? Любитель рыбок, сам наверняка далекий от идеала морали и нравственности. Тихо шифером шурша… И далее по тексту. В общем, кабинет Подгурского был последнем «прибежищем» в поисках адекватности. В поисках разума и конкретики. В поисках нормы. Потому что все остальные, с кем Турецкому уже довелось столкнуться в этом городе, были бесконечно от нее далеки. Внешний вид Подгурского позволял верить, что надежда эта была не напрасной. Напротив полковника сидел парень лет тридцати, на первый взгляд тоже не похожий на любителя рассуждать и ходить вокруг да около.

Приветствия, приветы, о погоде и природе заняли минуты две, и вот на столе Подгурского появилась папка с интересовавшим московского гостя делом.

– Александр Борисович, вы гляньте пока папочку, а мы тут с Сережей закончим по нашим делам текущим.

Турецкий начал рассеянно листать «талмуд», от которого, впрочем, не ждал ничего радикально нового, автоматически прислушиваясь к разговору Подгурского с молодым коллегой. Тот это заметил.

– У нас тут, знаете, такое творится, что труп Смородского покажется манекеном в витрине универмага.

Турецкий, на самом деле, был рад отвлечься от местного варианта эпопеи «богатые тоже плачут», и несколько сбивчивый рассказ Панюшкина о последних событиях выслушал с неподдельным интересом.

– Сатанисты, говорите? А они и тут есть?

– Да что вы, маленький город отличается от большого только масштабами, а выборка та же самая. У нас тут каждой твари по паре. – Подгурский с гордостью постучал ногтем по фотографиям из судмедэкспертизы, будто подтверждая тем самым: «У нас тут все, как в Москве. Ничем мы не хуже. Не стоит недооценивать».

– Кстати. О тварях. Вы, Сергей… э…

– Можно просто Сережа.

– Так вы, Сережа, к ним уже ходили?

– Конечно, ходил. Везде ходил. И в школе был, и в ПТУ, и городскую «тусовку» готов уже «пробили». Ничего интересного, типичные подростки из социально уязвимых слоев. Родители давно рукой махнули. Друзья-подружки ничего подозрительного в последние дни не замечали. Так, у одной из девочек какая-то сентиментальная история из серии «золушка и принц». Но никто ничего конкретного сказать не может, да и вряд ли это к делу отношение имеет. А что до сатанистов, я тут вышел на их якобы главного – такой смешной тип по кличке «Аид», – и он все отрицает, а с какой стороны к ним подобраться, непонятно. Им же ничего не пришьешь. Даже убийства кошек. За руку ведь никто не поймал.

– Аид, говорите? Забавные ребята! С фантазией. Но и вам надо фантазию проявить. Что значит, за дела «им ничего не пришьешь»?! Если надо, можно пришить даже пуговицу. – Приятно иногда строить из себя большего циника, чем яв-

ляешься на самом деле.

Подгурский решил действовать напрямик.

– Александр Борисович, а если мы, так сказать, объединим усилия?! Я вам честно скажу, дело даже не в Костиных приветах из студенческих лет. Я о вас и раньше слышал. Так я вот к чему: мы вам поможем «перелопатить» досье Смородского, может, «хвосты» к кому-нибудь, если надо, приставим, и вообще, подключим административный ресурс на всю мощность, а вы сходите с Сережей еще раз к этому Аиду и поможете его тряхануть, так чтобы кишки одна за другую заплелись? Мне кажется, его просто надо дожать! А Сережа, он…

«Сейчас опять про опыт начнется», – подумал Панюшкин, но, в принципе, сама перспектива лезть еще раз в «аидово логово» в приятной компании совсем не казалась ему отвратительной. Может, он действительно слишком впечатлительный для этой работы… Впрочем, московское «светило» тоже не выглядело каменным. Видно было, что человек порядком устал. Ладно, на двоих действительно можно сообразить больше.

– Почему нет? Вот прямо сейчас и пойдем! У меня тут давеча был премилый такой разговор о власти зла… – Подгурский удивленно поднял брови. – Да, да, именно об этом. А вы не знали, что в местном бизнес-сообществе философы доморощенные повылупялись?..

– Все может быть. Вот только не могу понять, как с таким

большим «приветом» человек еще дееспособен оказывается. Тут ведь как в том анекдоте про «не нагибайся», только вместо этого можно поставить «не задумывайся». А если задумаешься, так тебя раз и… – Подгурский характерным движением провел ладонью от уха до уха. – Как Смородского. – Полковник хохотнул.

– Ну, этого, я думаю, по другой причине на тот свет отправили.

– Да уж, покойничек наш, – а я его много лет знал, – особой рефлексией никогда не отличался. Ни раньше, ни в последние годы. Про него много чего можно порассказать, вы хотя бы его компаньона спросите.

– Так философ мой – его компаньон и сеть.

– Вот вы о ком? С этим все ясно. Как узнал про свой рак печени, окончательно «тронулся».

– Я это заметил. После таких дискуссий поход к сатанистам – то, что доктор прописал.

Панюшкин уже стоял в дверях. Его начинала нервировать вся эта история. Что Аида надо еще тряхануть – так это ясно, как божий день, но что для этого надо сделать?

– Не волнуйся, – сказал Турецкий, выходя из кабинета. – Что-нибудь придумаем, скучно точно не будет. Есть пара идей, не отличающихся оригинальностью, простых, как винтовка Мосина, но зато действенных.

Глава 10

«Сатанист носит длинные черные волосы. Если волосы короткие, носи парик, пока не отрастут. Если волосы не черные, придется покрасить. Есть сатанисты блондины, которые волосы не красят, но это не тру, потому что не мрачно и не ужасно. Таких сатанистов мы называем сатанюками».

Панюшкин не помнил, под каким номером проходили в длиннющем глумливом списке из Катиного компьютера эти незамысловатые правила, но, как бы там ни было, Аид точно про них слыхом не слыхивал. Аид был альбинос.

Белые волосы, белесые ресницы и брови, прозрачная кожа, и глаза – будто стеклянные. «Ясно, чего он сатанистом заделался», – подумал Панюшкин. Но тут же остановил поток мыслей – не туда занесло. Точно, не туда! Надо думать не о комплексах Аида (а точнее, Алексея Иванникова, как значилось в паспорте, который служитель князя тьмы был просто вынужден предъявить) – их очевидно больше, чем тараканов в общаге, – а о том, кто из их буйной «компашки» мог окончательно слететь с катушек и начать резать вместо кошек бесхозных пэтэушниц.

Первый раз он был в «логове» Аида позавчера. Один. Эффекта – ноль. Сидит за плохо вытертым столиком нормальный такой парень, лет тридцати пяти, ну, страшненький, конечно, немного, но это не криминально. В конце концов, не

всем же адонисами быть. Должны и аиды уравновешивать бытие. Терпимость, главное – терпимость, каким бы невероятным вырожденцем ни казался собеседник. И вообще, он, Сережа Панюшкин, не просто так сюда пришел, а по делу.

Аид сразу начал хамить. Конечно, хамил он по-хитрому. Даже при очень большом желании ему ничего нельзя было «предъявить». Какое уж тут «оскорбление чести и достоинства»? Он просто туманно намекал на слабые интеллектуальные способности некоторых личностей, интересующихся подробностями ритуальных жертвоприношений. Может, кстати, это лично к Панюшкину и не имело отношения, но он, как д'Артаньян из первой главы «Трех мушкетеров», был склонен воспринимать любую улыбку как личное оскорбление.

В общем, Аид, вроде как, хамил, а вот Панюшкин не на шутку злился. Наверное, поэтому ничего и не получилось. Если хочешь добиться своего, волю эмоциям давать не надо. Банальность, конечно, но сложно реализуемая. Панюшкин прекрасно понимал, в чем ошибка, понимал даже в момент ее совершения, но поделать с собой ничего не мог. Аид его просто-напросто бесил, по-подростковому бесил, как бесит прилежного хорошиста двоечник, нагло не признающий своей ущербности.

В прокуренном кафе было темно, как… Напрашивалась избитая и не слишком приличная метафора, опустим ее. В кафе было темно, и понятно, что Аид, получив пачку фото-

графий, уставился на них, в преувеличенном отупении щуря бесцветные глаза. Он не издевался, он искренне пытался что-нибудь разглядеть.

– И чего вы мне это принесли, не понимаю! Первый раз вижу.

– Уж я надеюсь. Такое зрелище достаточно увидеть один раз. Девочек, может, знаете?

– Во-первых, здесь ничего не разобрать. Это я про лица. А во-вторых, здесь столько народу бывает. Всех не упомнишь.

По первому пункту Панюшкин, даже будучи очень предвзятым собеседником, спорить не стал. Лица на фотографиях были искажены болью, страхом, предсмертной судорогой. Он сам давеча не сразу узнал в кокетливо улыбающейся девочке из Катиных фотографических экзерсисов жертву из оврага. Тут Аид точно не врет. А вот насчет «проходимости» этого заведения в его словах было явное преувеличение. Еще в Москве – ладно, можно поверить, что неблагополучных подростков из многочисленных спальных районов столицы наберется столько, что главный сатанист не будет знать своих последователей в лицо. Здесь – другое дело. Не так их много. И вообще, и в частности.

На самом деле это был психологический трюк. Панюшкин специально показал Аиду сначала снимки из судмедэкспертизы. Он прекрасно понимал, что понять по ним что-нибудь сложно, просто хотелось понять, насколько «сатанюка» «отмороженный». Аид тест выдержал. При виде фотографий

его передернуло. «Не все еще потеряно», – подумал Панюшкин.

– Ну, здесь должно быть яснее. – На стол легли напечатанные на глянцевой бумаге фотографии с кладбищенской «тусовки». – Вы узнаете кого-нибудь?

Аид презрительно фыркнул.

– Никого, естественно.

– Почему же так уж «естественно»? – Панюшкин старался говорить без интонаций, чтобы не выдать нарастающее раздражение.

– Да потому что не обязан знать в лицо каждую накрашенную, как клоун, девицу, которая живет в этом городе!

Панюшкин начал злиться всерьез.

– Каждую не каждую, а здесь можно присмотреться и получше. Эти девицы, как вы выражаетесь, сейчас лежат в холодильниках. Грудные клетки вскрыты, сердец нет. Общее количество ножевых ранений на двоих – 666. Тела…

– Да что ты мне рассказываешь! Читал я уже об этом! И что, собственно?!

Спасибо Аиду, когда на следующий день полковник будет возмущаться активностью желтой прессы, для Панюшкина это уже не будет сюрпризом.

– Ну, так неужели непонятно, кто при таких раскладах будет логичнее всего смотреться в качестве подозреваемого? – Он заметил, что Аид, видать на нервной почве, перешел на «ты», но решил пока внимание на этом не заострять.

– А ты эту свою логику знаешь, куда засунь…?

Договорить Аид не успел. Панюшкин со всей дури треснул кулаком по столу перед самым аидовым носом и прошипел:

– Мою логику я засуну тебе, не буду уточнять, куда.

Белобрысый, как ни странно, даже бровью не повел.

– Да делай ты со своей логикой все, что угодно! Тут доказательства нужны, а разве они у тебя есть? Что? Цифра 666? Не смеши меня, ладно? Я лично могу представить алиби на все, наверное, дни последнего месяца. Я один практически не бываю.

«Конечно, все с последователями и последовательницами», – мелькнуло у Панюшкина.

– Ищи ты своего сексуального маньяка – кто тебе мешает? Чтобы тебе было спокойнее, могу сдать пробу волос, тканей, спермы, да чего хочешь!

– Девочки не были изнасилованы.

Тут Аид заметно помрачнел.

– Да?.. Ну, значит, это не сексуальный маньяк… – Было заметно, что он отгоняет от себя какую-то крайне неприятную мысль.

Тогда какой? В общем, от Аида ничего толкового добиться не удалось. Наглый тип, уверенный в своей безнаказанности. А собственно, почему должно быть иначе? Он ведь формально ничего такого не совершил. Что в нем криминаль-

ного? Кольцо с пентаграммой? Действительно, смешно. Но, с другой стороны, какие-то соображения по этому поводу у него возникнуть должны были. В конце концов, если это не его ребята, значит, кто-то сторонний просто хочет их подставить. Ему самому должно быть интересно выяснить, кто бы это мог быть. Панюшкин был зол на себя ужасно. Что из Аида ничего не удалось вытянуть, так это его, Панюшкина, личный прокол. Не так разговор повел, ясное дело. И с какой стороны прикажете подступаться?

Все это, пригладив немного подробности и умолчав о приступе самокритики, Панюшкин рассказал Турецкому по дороге в «сатанюково» логово. В комплекте был также отчет о содержимом Катиного третьего «пня», о визите в школу и ПТУ. Теоретически, можно было предположить некую ревность по отношению к своему собственному расследованию, но Панюшкин сам себе удивлялся: ничего подобного и в помине не было. То ли разница в возрасте, то ли обаяние этого ироничного московского дядьки, то ли лейтенанту просто надоело в одиночку бодаться с этой чертовщиной.

– А про Валю эту однокурсницы ничего не говорили? Может, у нее какие-то странные знакомства были? Тут, понимаешь, речь идет не о мальчиках из соседнего ПТУ…

Панюшкин устало помотал головой. Нет, не говорили. То есть, они говорили, конечно, но в основном это были дворовые сплетни, никакой связи не имевшие с интересовавшим их вопросом.

– А родители? Неужели ничего не замечали?

– Да ладно! Они исчезновение-то их заметили только через несколько дней. На самом деле, уж извините за цинизм, таких девиц убивать – одно удовольствие. Их только через четыре дня хватились. Никому не нужны, никто не ищет. Отчего не убить-то? Даже в нашей дыре это почти «идеальное преступление». А в большом городе концов было бы не найти вообще.

– Ладно. Это неоправданный пессимизм. Сейчас прижмем Аида твоего, и, глядишь, что-нибудь прояснится. Вот с моим усопшим – это я про Смородского – действительно проблемы. Кто-то его очень профессионально кокнул, а как начинаешь углубляться в «историю болезни», выясняется, что логических, рациональных мотивов ни у кого не было. Зато иррациональных, как я подозреваю, выше крыши. Никто ничего не говорит, все только намекают. И вот в таких условиях приходится работать… – Турецкий хохотнул и по-хулигански пнул ногой валявшийся на дороге булыжник. Интонация контрастировала со смыслом, в ней звучала естественная, природная уверенность: «Конечно, мы найдем. Всех найдем. В любом случае. А что, у нас есть варианты?»

Вариантов не было.

Уже темнело. К вечеру стало прохладнее. Спальный район плавно переходил в частный сектор, застроенный запущенными старыми деревянными домишками. Турецкий неволь-

но вспомнил квартал, где живет Анна Федоровна. Разница чувствительная. Окна в домишках пыльные. Заборы местами покосившиеся, местами – ровные, подправленные. Но эта попытка поддержать благообразный вид смотрелась борьбой с неизбежностью, с неизбежным убожеством.

– Далеко еще? – Собственно, вопрос был задан просто для поддержания разговора. Сколько еще идти, это было не так уж важно. Странно, что Панюшкин оставил служебную машину на ближайшей парковке, вместо того чтобы подъехать прямо к месту назначения.

– Не очень. Минут десять еще. Мы могли, конечно, подъехать на машине… – Видимо, непроизнесенные мысли Турецкого были настолько очевидны, что озвучивать их не было никакой надобности. – Просто я хочу войти туда тихо, неофициально, что ли. Не знаю, почему.

Турецкий рассмеялся.

– Если хочешь, почему нет? К тому же, прогуляться всегда полезно.

За железнодорожной насыпью виднелся небольшой лесок, за которым опять начались новостройки.

– Вон дома справа. Две девятиэтажки и «хрущобы». Нам туда. Это во дворе.

Между домами, согласно типичной советской планировке, притулилось раскоряченное здание детского сада. К нему примыкало небольшое бетонное строение с крошечными ок-

нами. Выглядело оно, как бункер или вход в бомбоубежище. Над дверью слабо мерцала надпись – «Кафе. Клуб».

– Меньше всего на клуб похоже.

– Это смотря о каких клубах идет речь. На заведение для ночных увеселений, конечно, не тянет, а вот на «клуб по интересам» – пожалуй.

Сразу на входе было нечто вроде гардероба. Там, вместо обычной на таком месте вредной бабушки, сидел тощий парнишка в очках с толстыми стеклами.

– Вы куда?

– К Аиду, – буркнул Панюшкин.

– А он вас ждет?

– А как же! Ждет не дождется! Да я уже был у него – старый знакомый. – Панюшкин улыбнулся во всю ширь, как на рекламе зубной пасты.

Парнишка глянул на него с недоверием, но задерживать не стал. Он сконцентрировался на мобильном телефоне, начав, видимо, строчить эсэмэску.

– Не слишком у них оперативная система оповещения. Пока он там напишет, пока сообщение дойдет, мы уже поднимемся, – прокомментировал Турецкий.

– А мы уже, собственно, пришли.

Действительно, они поднялись на один пролет и остановились перед облезлой железной дверью, из-за которой доносилась негромкая, но довольно депрессивная музыка. Панюшкин потянул дверь на себя.

На самом деле, кафе как кафе. То есть, оно, конечно, не похоже на модные заведения в центре, но, пожалуй, в любом спальном районе любого города бывают подобные заведения для местной «гопоты». Ровным счетом ничего особенного.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.